

Цена Кокосового Ореха

Рассказ О.Л. Кинга

Цена Кокосового Ореха

Рассказ О.Л. Кинга

Миссионерская Проповедь 1890-х

Предисловие к Переизданию

Маленькая книга «Цена Кокосового Ореха» попала мне в руки несколько лет назад. Эта книга сразу же нашла уютное местечко в моем сердце и стала темой моих размышлений. Всегда осознавая значение незначимого на первый взгляд, я понимал, что это маленькое свидетельство возвещает эту истину.

Эта правдивая история рассказывает о великой способности нашего Бога брать наши недостатки и обращать их в грандиозную щедрость Своего благословенного присутствия. Тот, Кто смог взять у мальчика пять хлебов и две маленькие рыбки и накормить тысячи, все еще способен выполнить многие наши желания. Тот, Кто смог увидеть во вдовой лепте самую большую жертву за день, может воспользоваться нашим недостатком, чтобы восполнить нужды многих. Да даст нам Бог очи веры, чтобы мы смогли узреть обетование изобилия посреди мира избытка. Мне поспешно следует добавить, что иногда люди, обладающие огромными ресурсами, делают так мало, что Богу приходится извлекать славу чрез малые сокровища обедневшего святого, чтобы довести Свое дело до конца.

Единственное, на что я надеюсь, переиздавая эту крохотную весть, это, что наш всемогущий Бог ободрит мужчин и женщин отдать свои деньги и самих себя (размер значения не играет) большому миссионерскому полю мира. **Бог может взять наше ничто и обратить это во что-то; и взамен этого дать нам что угодно и все, что угодно.** Вся прибыль от продажи этой книги будет отправлена на миссионерскую деятельность по всему миру.

Т. Пол Грин

Пролог

Эта история вначале была рассказана в качестве иллюстрации миссионерской лекции на съезде миссионеров в штате Мичиган в 1925 году, когда мы отправились домой, провести наш первый отпуск с Вест-Индии (**прим. Переводчика:** *общее название островов Атлантического океана между Северной и Южной Америкой*).

С того времени, куда бы я ни путешествовал, повсюду люди просили меня рассказать им «историю о кокосовом орехе». Многие просили, чтобы я напечатал свой рассказ. Но опубликовать эту историю я обещал только этим летом (1936 года).

Эта книга была издана, потому что тем, кто слышал этот рассказ, похоже, понравился. Они получили благословение и выразили желание обрести его в напечатанном виде.

Пусть сформулированные принципы в этом рассказе благословят читателей.

Эта книга посвящается с любовью моей жене.

АВТОР

СОДЕРЖАНИЕ

Глава

Страница

- I. Детство
- II. Рождественская Коробка
- III. Я Вижу Негра
- IV. Рождество у Дедушки
- V. Косовый Орех, Который Я Не Купил
- VI. Я Выбираю Дело Своей Жизни
- VII. Я Оставляю Дом
- VIII. Колледж 'Ruskin Cave'
- IX. Призван в Вест-Индию

Глава Первая

Детство

На старой ферме на склоне холма, где родился и вырос автор этого рассказа, деньги и роскошь не были в таком изобилии, как это, похоже есть у более молодого поколения в эти дни.

Нам приходилось производить большую часть наших средств к существованию, и мы были очень заняты этим. Свой хлеб мы получали, выращивая свою собственную кукурузу и пшеницу; мы отвозили зерно на мельницу, где перемальывали его на крупу и муку. Затем мы рубили дрова для печи, а мать в этой старой печи пекла для нас хлеб. Это был настоящий хлеб, и мы знали, каким трудом он был получен. Хлеб был дешевым. Единственным посредником, который получал хоть что-то от него, был мельник, который брал себе меру из бушеля, свою долю, за помол.

Если нам хотелось конфет, то мы делали их из черной патоки. Эту патоку мы сами производили из сахарного тростника. Этот сахарный тростник мы посадили и перемололи на старой мельнице по переработке сахарного тростника. Эту мельницу приводила в движение старая седая кобыла, которая крутила заводное колесо. Если мы хотели придать конфетам аромат, то для этого у нас росли перечная мята под старой чавычой, шандра в саду, косматый гикори в лесах, сассафрас в углах забора и грушанка на склоне холмов. Мы получали свои собственные экстракты, и придание им какого-то вкуса нам ничего не стоило. Мы производили свои собственные

конфеты, даже не покупая сахара для их приготовления. А зачем? Денег было нелегко заработать, и существовало немного драгоценных способов заработать их. За работу в день мы могли получать только по пятьдесят центов, а рабочий день шел с восхода солнца до заката.

Дни летом были длинными, и это было единственным временем года, когда у нас появлялось возможность подзаработать.

У нас, мальчишек, не было денег на мороженное, мы даже ни разу не видели его. Тропические фрукты, такие как апельсины и бананы нам были неизвестны. Иногда к Рождеству мы могли получить фунт или два старомодных леденцов со вкусом лимона или перечной мяты. Мы относили яйца и масло в старую сельскую лавку и обменивали на такие вещи, когда нам это было надо. Лавочник не давал нам денег за наши фермерские продукты. Нам приходилось обменивать эти продукты на что-то. Таким образом, мы покупали себе вещи и кофе, а иногда и фунт сахара, но чаще всего свои фрукты, выращенные на нашей ферме, мы подслащивали черной патокой, изготовленной на нашем собственном заводе.

Мы выросли посреди того, что мир теперь называет трудностями, и мы были слеплены не из предметов роскоши, из чего-то другого – из чего-то более настоящего, чем краска и порошок, и более долговечного. В наших венах текло чувство героизма от того, что мы сами производили что-то, и отразили дикий мир лесов.

Рождество было великолепным временем для нас. На стол подавалась индейка, которую специально выращивали по такому поводу. Иногда лиса добиралась до индейки до того, как приходило Рождество, и тогда нам приходилось заменять ее на диких кроликов или большого,

толстого жирного опоссума. Иногда забой скота планировался за несколько дней до праздников. Свиные ребрышки, корейка, колбаса (настоящая) были обыденным украшением стола в тот день. Это были замечательные дни, и посреди этих дней началась наша история.

Рождественская Коробка

На Рождество к нам приехала бабушка. В городе у нее были родственники, которые считались богатыми. Они послали бабушке рождественскую коробку, в которой было много хороших вещей. Три вещи я помню очень хорошо: конфеты, апельсины и большой кокосовый орех. Рождественским утром мы открыли коробку, где лежали первые в нашей жизни шоколадная конфета, апельсины, кокосовый орех. Это было замечательное Рождество! На наш вкус шоколадная конфета была странной, и мы не смогли оценить ее по достоинству. Апельсины были ничего, но мы бы с таким же удовольствием полакомились римскими яблочками из старого ящика для яблок в саду.

Главное удовольствие началось, когда мы начали исследовать тот кокосовый орех с мордочкой старой обезьяны. Перед ужином отец, получая приказы от бабушки, распорядителя рождественской коробки, распилит нос и глаза мордочки старой обезьяны, и бабушка разделила орех между детьми нашей семьи и несколькими двоюродными братьями и сестрами, которые пришли к нам на рождественский ужин. Мне достался кусок величиной с большой палец.

Я осторожно попробовал его, любопытствуя, понравится он мне или нет. Но впервые испугано вкусив, я инерционно причмокнул губами и сказал: «Мням, мням, это лучшее, что я пробовал в своей жизни». Я положил это кусочек себе в карман, затем бегал по дому, пытаюсь обменять шоколадки и различные конфеты на кусочки кокосового ореха, которые заполучили мои родные и двоюродные братья и сестры, но никто со мной меняться не хотел. Маленькими кусочками весь день я ел свой кусочек, заявляя, что это было самое лучшее, что я пробовал в своей жизни.

В то время мне было восемь лет, и этот кусочек кокосового ореха сделал мое Рождество самым лучшим Рождеством из всех.

Кокосовый Орех или Негр

Мне хотелось знать, где такие орехи растут, и увижу ли я когда-нибудь такой орех еще. Наступила весна, и как-то раз в школе я перелистывал учебник по географии, который принадлежал кому-то из старших учеников, и наткнулся на картинки с кокосовыми рощами и с негром, который упаковывал кокосовые орехи на отправку. Я не мог читать, поэтому я взял книгу к ее владельцу, показал ей картинку, и спросил, где растут те штуки. Тогда она прочитала мне абзац из книги, и сказала мне, что их выращивают в тропиках. Но где это? Но моя робость не позволила мне задать этот вопрос, хотя мне и хотелось сильно знать. Я повернулся к девочке и, указывая пальцем на картинку с кокосовым орехом, как я тогда считал, спросил: «Это самое вкусное из всего того, что я ел в своей жизни». Группа детей, которая собралась вокруг нас,

просто взорвалась смехом, когда старшая девочка сказала мне: «Когда ты его ел?» Когда я посмотрел на картинку, я обнаружил, что мой палец указывает на негра, который предположительно упаковывал кокосовые орехи для отправки.

Весь тот день ученики представляли меня друг другу, как «пожирателя негров». Это было уж слишком для моего робкого нрава. Но все же я сказал им, что имел в виду, что кокосовые орехи были самыми вкусными на свете, и старался убедить их в том, что я пробовал их. Из-за того, что я не мог описать им вкуса этих орехов, но заявлял, что ничего нет на свете вкуснее их, даже близко, они говорили, что я никогда их не пробовал. Когда я приходил в школу с плохо подготовленным уроком, они говорили: «Ну, это вполне нормально. Он только и делает, что думает о кокосовых орехах, и скоро его голова превратится в один из них». Они говорили это, потому что я всегда доставал книгу с картинками кокосовых орехов, смотрел на картинку и спрашивал себя, увижу ли я еще один такой. Они росли в тропиках! Но где это было? Мне часто снились тропики и кокосовые орехи. И я думал о тех замечательных привилегиях негров, которые жили в тропиках, где росли кокосовые орехи. До этих пор я ни разу не видел негров и думал о них только в ассоциации с тропиками и кокосовыми орехами, изображенных на картинке, которую я обнаружил в учебнике по географии.

Глава Третья

Я Вижу Негра

В деревне, где я вырос, не было ни одного негра. И в те дни люди не путешествовали так свободно как в эти дни. Поэтому ничего странного в том, что я не видел ни разу негра, не было. К тому времени, когда осенью начинался новый учебный год, созревали орехи – гикори, каштаны, серые, грецкие и лесные орехи. И по дороге домой через лес мы с братом собирали их. Вечером после школы мы сильно торопились домой собрать орехов. Мама нам говорила, что если так и будем приходить поздно домой, то однажды придет за нами негр и заберет нас. Мы тогда говорили ей, как мы поступим с тем бедным негром, если вдруг ему приспичит побеспокоить нас. Легко было сказать это, ведь мы ни разу не видели негра.

Однажды в субботу утром мы пошли к большой дороге, которая находилась в четверть мили от нашего дома, к тому месту, где на развилке дороги рос большой грецкий орех. По этой дороге не часто хаживали. Мы с братом собрали внушительную кучу орехов и сели посередине дороги, чтобы почистить их. Мы сидели лицом к лицу. Я мог увидеть то, что происходит вверх по дороге, он мог увидеть то, что происходит вниз по дороге. Если я помню точно, то было около одиннадцати, когда я отвлекся от орехов и посмотрел вверх. Прямо посреди дороги в шагах десяти от нас в нашу сторону шел большой негр! Мой брат поднял голову и посмотрел в мои глаза, он увидел выражение глубокого ужаса на моем лице и развернулся, чтобы посмотреть, на что я так уставился. Когда он увидел негра, он встал и спрятался за мной, потому что я был старше. Негр увидел, что мы испугались

его, поэтому он не подошел к нам ближе, а обошел вокруг забора. Он обратился к нам с большой добротой и спросил, где живет Мистер Родс. Наконец-то ко мне вернулся дар речи, и я сказал ему, что он живет в первом доме вверх по дороге, и что он прошел мимо него. Мы били в себя в грудь, когда смело говорили о том, как поступим с тем негром, который побеспокоит нас. Но случилось так, как оно случилось. Как только до поворота дороги ему осталось пройти пару шагов, я тут же вскочил на ноги со шляпой в руке, и помчался домой так быстро, насколько меня только могли нести мои босые ноги. Мой брат бежал за мной, крича во всю мощь. А когда я перегнал его, оставив далеко позади, он так сильно испугался, что упал на дорогу, крича во всю мощь и рыдая: «Негр!»

Мать стояла у крыльца и видела, как мы возвращались домой – в руке шляпа, мчались подобно скаковым лошадям. Услышав, как кричит мой брат, она вышла к нам навстречу, чтобы узнать, что случилось. Но должно было пройти немало времени прежде, чем я смог говорить. Наконец-то я сказал: «Мамочка, большой негр шел по дороге и, наверное, у него есть брат!» Когда мама дотронулась до брата, он был бледный словно смерть, и настолько испуганным, что едва стоял на ногах. Мое первое знакомство с негром было весьма веселым. После многих вопросов мы узнали, что негр был послан с соседнего графства человеком, на которого он работал, за группой лошадей, приобретенных через Мистера Родса.

Наша простая и нелегкая жизнь, которая воспитывает мускулистых и сильных ребят, знакомых с природой, шла своим чередом, но воспоминания о кокосовом орехе никогда не покидала меня. Уже ребенком я научился усердно работать.

Глава Четвертая

Рождество у Дедушки

Когда мне было около двенадцати, после окончания тяжелой летней и осенней работы, сразу после Дня Благодарения, отец пообещал мне, что я смогу провести Рождество с дедушкой. И я с большим нетерпением ждал этой поездки. Я всегда нравилось у дедушки. Он был на Гражданской Войне, получал пенсию. И у него всегда были деньги. Он никогда не забывал поделиться и со мной, потому что я был старшим и любимым внуком. Наконец-то наступило утро перед Рождеством. Еще солнце не встало, а я уже был на ногах в предвкушении поездки к дедушке. Лишь только единственное могло превзойти эту поездку – большой кокосовый орех. В действительности, самым лучшим своим Рождеством я считал то, когда впервые попробовал кокосовый орех.

После обеда отец вышел на улицу и оседлал старую седую кобылу. Я запрыгнул в седло и галопом поскакал к дедушке. К вечеру я добрался до старой деревенской усадьбы дедушки и крикнул: «Привет!» Дедушка показался в дверях в своей военной униформе с блестящими медными пуговицами. Он отдал мне честь и поприветствовал: «Здравствуйте, генерал, куда это Вы направились?» Я ответил: «Я решил приехать к тебе, и провести с тобой Рождество» С приветливой улыбкой на лице дедушка сказал: «Слезай с лошади и отведи ее к яслям, и как согреешься, мы позаботимся о твоей лошадке».

Пока готовился ужин, мы сидели у старого деревянного камина и ели ярко-красные винные яблоки. Я

сказал дедушке, что яблоки очень вкусные и сочные. И он сказал: «В нашем графстве с ними ничто не может сравниться». Я согласился с ним, что никогда не пробовал ничего вкуснее, кроме одного. Дедушка спросил: «И что же это?» Я ответил: «Это был кусочек кокосового ореха, который на Рождество мне дала бабушка четыре года назад». Дедушка сказал, что несколько лет назад он видел несколько кокосовых орехов, но сам он никогда их не пробовал.

Мои Первые Десять Центов

Когда мы болтали, дедушка встал, расправил плечи и сказал: «Мы планировали сегодня вечером отправиться в город, чтобы посмотреть рождественские декорации и что-нибудь купить. Хотел бы ты отправиться с нами?» Еще бы, я только был рад пойти, как и все остальные мальчишки. Перед тем как сесть, он взял бумажник, достал оттуда десять центов, дал их мне и сказал: «Это тебе. Купишь себе что-нибудь». Мальчишки сегодня бы не считали это большими деньгами для Рождества, но в то время для мальчика это были большие деньги. Мысль о поездке в город с дедушкой посмотреть рождественские декорации настолько переполнила меня, что я чуть не потерял желание ужинать. Скоро мы были в дороге – дедушка, я и пару моих дядюшек ненамного старше меня.

Сочельник в Городе

Через две мили долгого и утомительного путешествия пешком мы добрались до маленького города в нашем графстве, который славился тремя или четырьмя

большими универсальными магазинами, почтой, аптекой, железнодорожным вокзалом. На всех них были рождественские огоньки и декорации. В окне виднелся Санта Клаус. И для меня, того, кто ни разу не был в городе и ни разу не видел света мощнее света керосиновой лампы, это было потрясающим зрелищем. Было столько много товаров в продаже, а у меня было целых десять центов – мои первые десять центов, которые я мог потратить на себя. И я долго ломал голову, что из всего этого изобилия мне стоит купить – подарок для мамы или что-то для отца, или что-то для отца и мамы? Взвешивая все за и против, я шел от магазина к магазину, и вид многих прекрасных вещей вскружил мне голову. Что же мне купить за десять центов?

Глава Пятая

Кокосовый Орех, Который Я Не Купил

Я остановился перед продуктовым магазином и, смотря на витрину, я увидел прямо перед собой большой кокосовый орех, который лежал на полу – единственный – с ценником в десять центов. И у меня были эти деньги! Вот он – мой шанс обрести кокосовый орех, которым я мог наконец-то насладиться. В магазине было полно народу. Я так сильно боялся, что кто-нибудь другой купит этот кокосовый орех до того, как я войду в магазин и куплю его. Я взялся за круглую дверную ручку, но было сложно повернуть ее, когда я попытался открыть дверь, Голос внутри меня сказал мне: «Оставь кокосовый орех в покое. Не покупай его сейчас». Кто-то говорил, что нужно слушаться голоса внутри себя. Я стоял, страстно пожирая кокосовый орех глазами. Воспоминание о первом вкусе кокосового ореха все еще подсасывало под ложечкой. Картинки с негром, упаковывающего кокосовые орехи, из старого учебника по географии проносились у меня в голове, и мне хотелось знать, упаковал ли этот негр и этот орех, и как он решил послать его сюда. Я стоял все еще в сомнениях, и Голос очень ясно и твердо сказал оставить кокосовый орех в покое, и я боялся не послушаться. Я оставил дверную ручку и еще раз взглянул на кокосовый орех, развернулся и пошел обратно, пересек улицу и начал рассматривать витрину аптеки. На этой витрине лежал маленький Новый Завет в красной обложке. И Голос сказал: «Войди и купи Новый Завет». На нем тоже был ценник в десять центов.

Это было против человеческой логики. И я не мог этого объяснить, потому что совсем недавно на мой день рождения мне подарили замечательную библию, и зачем мне нужен был этот маленький дешевый Новый Завет? Но Голос сказал купить его, и я знал, что уж лучше послушаться внутреннего Голоса, чем желаний плоти. И здесь, как я считаю, произошло одно из самых больших и важных сражений в моей жизни. Наконец-то я вошел в аптеку. Когда пришла моя очередь, продавец спросил меня: «Чем я тебе могу помочь, сынок?» Я ответил: «Я думаю, что хочу один из тех маленьких Новых Заветов». Он положил один из них на кассовый столик, я перелистал страницы, чувствуя вкус кокосового ореха. В конце концов, я бросил свои десять центов в руку продавца, и он обернул Новый Завет упаковочную бумагу и дал его мне, говоря: «Думаю, что ты купил самый выгодный для молодого человека рождественский подарок в магазине». Я сказал: «Надеюсь», и вышел снова на улицу, планируя отправиться назад и в последний раз взглянуть на кокосовый орех, потому что десяти центов уже больше не было, а я боялся послушаться внутреннего голоса в том магазине.

Я Встречаю Странного Мальчика

Когда я переходил дорогу, мое внимание привлек бедно одетый парнишка восьми лет, который стоял посреди дороги. В его руках были снежки, которыми он одаривал прохожих. Я заметил, что поля шляпы почти отваливались, и его светлые локоны выглядывали из нее. Колени выглядывали из выцветших брюк; локти – из рубахи. Его снежок ударил меня по плечу. Я обратился к нему по-доброму. Он спросил: «Ты тоже из деревни» Я

ответил: «Да». Затем он сказал мне, что он пришел в город, чтобы посмотреть на рождественские декорации, и что мне не следует скоро уходить, потому что скоро у них будут фейерверки, и это будет здорово. Он сказал: «На рождество повеселимся».

Рождественская История

Я рассказал ему о рождестве и о Христе Рождества. Я спросил, если он знает, чей это был день рождения, и он не знал. Я рассказал ему историю о пастухах и мудрецах, и вызвал его любопытство настолько, насколько я мог. Внутренний Голос сказал: «Дай мальчику Новый Завет». Я тогда спросил мальчика, если он умеет читать. И он сказал: «Нет, но мама хорошо читает». Я сказал ему, что у меня есть одна книжка, которая расскажет ему все об этих пастухах и волхвах, и Младенце в яслях, и как Младенец вырос и стал великим Спасителем с силой открывать глаза слепым, воскрешать мертвых, исцелять больных, и как Он мог сделать из плохих мальчиков хороших.

Я передал ему маленькую книжку. И он принял ее с жаждающими руками. И я мог видеть, как высоко мальчик ценит ее. Он положил ее в карман, в корм была дырка, и она упала на снег. Он поднял ее, стряхнул снег и сказал: «У моей куртки есть внутри хороший карман, и я положу ее туда». Просматривая свои вещи, он вытащил булавку и скрепил карман, делая это, он сказал: «Наверняка мальчишки пристанут ко мне до того, как я уйду из города,

и я могу потерять ее. Поэтому я спрячу ее здесь». Я сказал ему, чтобы он был хорошим мальчиком и пожелал ему, его маме и папе счастливого Рождества, и пошел было уже. Он прошел за мной несколько шагов и сказал дрожащим голосом: «Слушай, прости, что я ударил тебя снежком. Я типа думал, что ты злой, грубый парень с южной части города». Я сказал ему, что это было рождественской потехой, и пошел себе своей дорогой.

К этому времени я одержал такую победу над своим желанием съесть кокосовый орех, что я мне едва ли его хотелось. Я встретился с дедушкой, и мы нашли других мальчиков, и направились домой.

По дороге домой мальчики спрашивали меня: «Что ты купил на свои десять центов?», но я не отвечал им. Они предлагали мне конфеты, арахис, хлопушки и многие другие вещи, если я только покажу им, что я приобрел на свои десять центов. Тогда они обвинили меня в том, что я потерял их. Весь рождественский день они пытались узнать у меня, что я сделал со своими десятью центами, но они так и не узнали и никогда не узнают, разве что только в том случае, если каким-то образом они прочитали эту историю. Все, что они смогли выведать у меня, было: «Я правильно поступил со своими десятью центами».

Рождество завершилось добрым ужином с индейкой. Дедушка положил на стол конфеты и другие вкусняшки, а на следующее утро (на Рождество) в своих ботинках я обнаружил конфеты и хлопушки, и еще несколько хороших подарков. Но тайна, что же я купил за десять центов, так никем и не была раскрыта. Утром следующего дня мы отправились на охоту за кроликами, и уже после полудня я сел на старую седую кобылу и поехал домой.

Глава Шестая

Я Выбираю Дело Своей Жизни

Большую часть своего детства я провел, работая на ферме, расчищая землю и работая на лесопилке, тгая бревна к пилораме. Но все то время я всегда старался следовать своему внутреннему голосу. Лишь только пару раз я не смог сдержаться и пошел на поводу своих желаний. Тот Голос, что обращался к моему сознанию, продолжал направлять меня. И когда мне должно было исполниться пятнадцать лет, меня привели к покаянию, и я принял Христа своим Спасителем. После обращения и освящения этот мир для меня казался таким пустым и все, что было в нем, потеряло для меня свою ценность. Я начал искать смысл жизни. Мне было открыто, что вечна только душа человека, поэтому я начал проводить много времени в молитве. Это впечатление укоренилось в моем сердце, и внутренний голос начал направлять мои сердце и сознание, что я должен был посвятить свою жизнь спасению людей от греха и ада ради небес и бессмертной славы.

Я Начинаю Проповедовать Евангелие

Когда мне было около семнадцати или восемнадцати я начал проповедовать в зданиях сельских школ и там, где собирались люди. Вскоре началось пробуждение, и души стали обретать спасение. Однажды на выходные меня попросили отправиться на северо-восток, проехать восемнадцать миль и встретиться с одним странствующим священником *(Пионерами такой практики общения с паствой в колониальный период были*

методисты, в частности священник Р. Стробридж [Strawbridge, Robert], приехавший в Америку в 1764. В период Фронтиса [Frontier] стал широко известен П. Карптрайт [Cartwright, Peter], объездивший в первой половине XIX в. территории Среднего Запада [Midwest]). Тамошние были грубыми и жесткими. Я пытался проповедовать или увещевать или еще что-то, чем я занимался в те дни, но толпа казалась мне настолько недоступной. Пол дома вымазан табачным соком, дыр от пуль было столько же, сколько гвоздей в потолке. Когда я пытался проповедовать, я больше, чем уверен, что там было больше револьверов в толпе, чем библий.

Появление Нового Завета

Когда я начал чувствовать себя полным неудачником, внутренний голос побудил меня попросить людей поднять свои библии, чтобы я смог увидеть, сколько их в доме. В углу, с которого доносилось постоянное «аминь!», было несколько библий, и на заднем сидении посреди здания сидел один молодой человек с чистым лицом, который выглядел заинтересованным моей проповедью. Я обратил внимание на то, что у него в руке маленький Новый Завет, и тут же внутренний голос сказал: «Вот, цена твоего кокосового ореха».

Не видя признаков обличения среди людей, я отпустил их, и направился к задним рядам здания, беседуя с ними и пожимая им руки, пока они зажигали фонари, чтобы отправиться домой. И вот, я подошел к нему: «Простите, молодой человек, у мен к Вам есть личный вопрос. Где Вы достали эту маленькую книжку, которую Вы сегодня держали в своей руке?»

Он ответил: «У этой книжки есть своя собственная история. И я бы ни за какую ферму в этой деревне не променял бы эту книгу». Я настоял на том, чтобы он мне рассказал, откуда она у него. Он сказал: «Несколько лет назад на Рождество я был в городе. Один мальчик вышел из аптеки и дал мне эту книжку, и рассказал мне историю о рождестве, которую я никогда раньше не слышал». Он продолжил: «Мы добрались до дома в ту ночь уже к полуночи, и мама долгими зимними вечерами читала мне эту книжку. К нам приходили даже соседи, чтобы послушать эту книгу, и мама перечитывала ее снова и снова. Как-то вечером мы были одни и читали эту книжку. Вдруг мой отец начал плакать, опустил на колени у стула, на котором он сидел, и начал с Кем-то разговаривать. Я не мог этого понять. И я пытался рассмотреть, к кому это он обращается. Он смотрел в потолок, но там я никого не видел. Затем он вскочил на ноги и начал хлопать в ладошки и прыгать вокруг комнаты. И на его лицо был свет, которого я никогда ранее не видел. Он прижал к себе мать и поцеловал ее, а потом поцеловал меня, и взял Книжку из маминых рук и тоже поцеловал ее. Он был самым счастливым человеком на свете».

«Прошло несколько дней, и как-то раз, во время чтения этой книжки у мамы глаза наполнились слезами, и она встала на колени и начала говорить с Тем, о Ком она прочитала в этой книге. Через несколько минут ее лицо просияло, и она начала говорить: «Благословен Господь, Благословен Господь Иисус!» Она поцеловала Книгу и сказала: «Благословенна Книжка, что рассказала мне о Нем. Теперь Он мой, и я знаю, что благословенная Книжка Его». Это счастье в нашем доме продолжалось до тех пор, пока мой отец не отправился на небеса, воскликнув: «Слава!» Благодаря тому, что люди приходили в нашу

избушку почитать или послушать эту Книгу, и слышали, как молятся мои отец и мать, это старое здание школы стало церковью.

Это было брошенное старое здание, которое стало логовом для азартных игр. «Видите дырки от пуль в потолке», сказал он, «Многие из них были сделаны для вентиляции. И все это случилось благодаря этой благословенной маленькой Книжке. В нашем селе есть еще с дюжину таких книжек, и в Воскресной школе утром Вы сможете увидеть, как мы пользуемся ими»

Я сказал ему: «Молодой человек, узнали бы Вы того мальчика, который дал Вам эту Книжку, если бы вдруг увидели его?» Он ответил: «Нет, мне тогда было только восемь или девять лет, я не думаю, что он был старше четырнадцати. Теперь я вырос, да и он тоже. Не думаю, что смог бы узнать его». Я сказал: «Посмотрите на него повнимательней, и может, Вы узнаете его». Он спросил: «Это Вы?» Я сказал: «Присмотритесь», и начал что-то искать своими глазами у меня на лице. Он сказал: «Да, это Вы, я узнал Вас по шраму на лице». Тогда начало происходить самое интересное!

Он поднял меня, перебросил через плечо и отнес меня к алтарю, и поцеловал меня несколько раз. Затем он повернулся к людям, которые стали чрезмерно любопытными, поразившись такому поведению в церкви. Молодой человек повернулся к ним и сказал: «Этот парень - тот самый, который послал эту маленькую Книжку в наше селение. Вы все знакомы с этой Книжкой, а теперь приветствуйте того, кто дал ее мне».

В тот вечер меня чуть было не разорвали на кусочки, и чуть было не сжали в лепешку, у алтаря собралась целая очередь, и служение закончилось только после полуночи.

Это все случилось ЦЕНОЙ КОКОСОВОГО ОРЕХА, когда мальчишка послушался своего внутреннего голоса, сразил наповал Голиафа аппетита, и поменял кокосовый орех на вложение в царство Божье – один спасенный – и на небесах победоносный клик. Спасенная семья, которая стала счастливой. Дом для азартных игр превратился в церковь. И воскресная школа, где собираются люди и читают библию вместе вместо того, чтобы играть в азартные игры, драться и стрелять в потолок. Все это стоило автору самоотречения и жертвования всего лишь десятицентовым кокосовым орехом, которого ему так сильно хотелось, но с тех пор мне его больше не хотелось никогда.

Эти выходные удались на славу. Я провел ночь в избушке того юноши. Я не говорю, что спал, потому что его милая старая мать благословляла меня всю ночь и кричала от счастья, потому что ее глазам была дана привилегия увидеть того, кто послал благословенную Книжку им.

Наступило благословенное воскресенье. В церкви собралось много народу, чтобы посмотреть на того, кто послал первый Новый Завет в их селение. И выкрики «Благослови тебя Господь» до сих пор проносятся в моей бедной недостойной душе. И никто не знает, когда небесные существа перестанут восклицать, ибо «радость будет на небесах о покаявшемся грешнике».

Утром в понедельник я выехал из этого уединенного селения, возможно, я больше никогда не увижу его, но «цена кокосового ореха» на этом не заканчивается.

Глава Седьмая

Я Оставляю Дом

Прошло три или четыре года, и я решил поступить в колледж, где бы я изучил Библию. Через два года честной работы и скромной жизни, я смог достаточно поднакопить денег, чтобы частично оплатить свой колледж. Друзья христиане посоветовали мне отправиться в Теннесси в колледж Ruskin Cave, который был расположен в нескольких сотнях миль от дома.

Я родился в скромной избушке на ферме, вырос и прожил там, где я мало видел незнакомцев, и для скромного и робкого парня это было настоящим подвигом оставить дом и отправиться туда, где ни с кем знаком я не был.

Ко времени отъезда я был сильно занят. Я проповедовал на похоронах в субботу, проповедовал дважды в воскресенье, и домой пришел поздно в воскресенье. В понедельник утром я начал свое первое долгое путешествие. Отец подвез меня и багаж к вокзалу. Мы стояли на платформе, ждали поезда, и я сказал отцу: «В это утро я отправляюсь в дальнее путешествие». Отец, едва сдерживая слезы, сказал: «Делая, что считаешь нужным». Вопросы в том, что было нужным, для меня уже не было.

Наконец-то подали поезд, и вожатый крикнул: «Посадка заканчивается». Я помахал отцу рукой с трапа поезда, и поезд отправился на восток. Через несколько часов мы добрались до Лузвилля штата Кентукки, где мне нужно было сделать пересадку. Я еще ни разу не был в большом городе до того времени. Продавец билетов сказал мне, что мне необходимо добраться до другого конца

города, чтобы там на другом вокзале сесть на другой поезд. Станция была до отказа наполнена людьми, и я не знал ни одной души. У меня даже не было никакого представления о том, как добраться до другого вокзала. Извозчик экипажа увидел мою растерянность и сказал мне, что через несколько минут отправиться с почтой на другой вокзал, и что он может взять меня и мой багаж с собой. Он был очень добр ко мне. Я сказал ему, что еду в колледж, и он не взял с меня ни цента за поездку, а по дороге показывал мне разные достопримечательности города.

Кассир на втором вокзале никак не мог определить, где расположен городок Раскин Кейв. Но наконец-то он сказал мне, что мне нужно будет отправиться в Теннеси Сити, что был расположен в сорока пяти милях от Нэшвилля. Когда он мне назвал цену такого билета, я начал понимать, как далеко я собирался ехать. Мой билет до Лузвилля стоил всего доллар, и мне еще тогда казалось, что дорога была дальней. А теперь мой билет стоил 25 долларов. И я подсчитал, что мне придется проделать путь в девять раз больше того, что я уже проехал. В конце концов, я оказался на скоростном поезде, который шел на юг.

Встреча с Самогонщиком

Мы уже проехали несколько станций, когда в поезд вошел неприятного вида мужчина и сел прямо передо мной. Он повернулся и начал болтать. И его поведение показалось мне очень странным. До этого момента я ни разу не видел пьяного человека. И мне хотелось узнать, что с этим незнакомцем не так. Похоже было на то, что он знал

те места, через которые мы ехали. Он показывал места сражения, Мамонтовую пещеру и многие другие интересные места. Прошло немного времени, и этот человек предложил мне пройти с ним в уборную. Я спросил его, что ему там понадобилось. Он сказал: «У меня есть бутылочка хорошего доброго виски – самого лучшего в Кентукки». Я сказал ему, что не хочу иметь ничего общего ни с самогоном, ни с самогонщиком, и если я увижу полицейского, когда остановится поезд, я позабочусь о том, чтобы его арестовали за изготовление самогона. Я сказал ему, что не потерплю ничего подобного. Тогда он попытался быть более приветливым со мной, и сказал мне, что если мне придется провести ночь в Нэшвилле, то лучше всего обратиться к Армии Спасения. До этого он в красочных тонах говорил мне о том, какое славное время мы проведем с ним в Нэшвилле. Но я уже решил, что сдам его в руки правосудия, и у него отберут этот самогон. Когда поезд добрался не следующей станции, в вагон вошел полицейский, чтобы арестовать безумца. И когда я подошел к нему, мой знакомый самогонщик поспешил к другому выходу из вагона, вышел из вагона и убежал со своим виски.

На своем личном опыте я и раньше убедился в том, что если буду твердо стоять против неправильного, то не попаду в дурную компанию.

«Моя Миссия» в Нэшвилле

Когда поезд добрался до Нэшвилля, уже начинало темнеть. Следуя советам самогонщика, я взял такси и добрался до Армии Спасения, и поспел к ним, как раз в тот момент, когда они готовились к своей вечерней кампании на улицах. Они спросили, проповедник ли я. Я сказал им,

что вроде я, как проповедник, и собираюсь попасть в колледж, где я надеюсь, смогу найти помощь в становлении проповедником. В тот вечер я проповедовал на четырех разных улицах, а после проповедовал в зале, и к алтарю склонилось семь драгоценных душ, ища спасения, и помолились.

После служения ко мне подошел капитан Армии Спасения, обнял меня и сказал: «Молодой человек, Вы – настоящий проповедник. Вы были просто героем, когда призывали к молитве. Если и дальше будете так продолжать, то я предрекаю, что дьяволу будет плохо. Вы заслуживаете самого лучшего ужина, который могут приготовить наши девушки». Это все звучало странно для меня. Никто раньше не говорил мне таких слов ободрения и признательности. Жители моей родной деревни никогда не думали обо мне иначе, как о мальчишке с фермы. Конечно, это был великолепный ужин! После беседы с офицерами и «Благослови тебя Боже!» из уст с полдюжины привлекательных девушек, которые помогали обо всем молиться, мне была предоставлена хорошая комната и хорошая постель. Мой поезд должен был отъезжать в 7:30, и капитан заказал завтрак на меня и себя на 6:00, и девушки заверили нас, что завтрак будет готов вовремя.

Наконец-то я оказался в своей комнате и мог спокойно отдохнуть. Я сидел и вспоминал все странные события того дня в мире, который я никогда не считал настолько огромным, и в котором, я как я полагал, не могло быть столько много зла и сложных проблем. Впервые я столкнулся с расовыми предрассудками на юге и, отдыха, я долго размышлял об этой проблеме. Как только самогонщик поспешно покинул вагон, я увидел, как люди относятся к себе подобным с другим цветом кожи. Наш поезд остановился на станции, и, увидев, как какой-то

человек на другой стороне я моем ряду ест свой обед, я вспомнил, что мама упаковала мне обед в сумку. Я достал его и начал есть, когда вожатый что-то громко сказала, я не совсем понял что. Все начали выходить из вагона, кроме человека, который ел свой обед. Он сказал мне: «Юноша, сидите спокойно. Я покажу этим нигерам, где их место», и с этими словами он вытащил пистолет и положил его рядом с собой на сидение и сказал: «Не двигайся, пока не доешь обед». Несколько цветных парней всунули свои головы в проход вагона, и он взял пистолет и сказал: «Чтобы я не видел ни одной курчавой головы в этих дверях, пока мы не покончим со своим обедом». Я остался сидеть, потому что, я подумал, что мне так приказали, угрожая пистолетом, но я видел, что его пистолет был направлен на черных, которые пытались войти в вагон. И тогда это был мой первый урок по «Джимкроуизму» (прим. Переводчика: расовая дискриминация негров). Очевидно, что здесь были люди, которые не знали, что...

«Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, ...Сам дая всему жизнь и дыхание и всё».

Покончив с ужином, мы вышли из вагона. И теперь, когда я лежал в кровать, пересматривая все эти события дня, и то, как Господь вел меня, и это странное отношение к неграм, я подумал, что это странный мир, и уснул, все еще удивляясь увиденному.

Когда мы с капитаном покончили с завтраком и молитвами, к воротам подали лошадь и двухместную коляску, и капитан повез меня к станции. Я поблагодарил его за доброту и пожелал ему всего доброго, и он заверил меня, что меня там не забудут.

Глава Восьмая

Колледж 'Ruskin Cave'

На станции я увидел толпу молодых людей, и казалось, они знакомы друг с другом. Каждый из них носил белую ленту, на которой было напечатано "**Ruskin Cave College**" «Колледж Раскин Кэйв». Так как именно к этому месту меня тянуло, я предпринял попытку познакомиться с ними. И мы отлично провели время в поезде. На станции студентов ожидали две старинные коляски с впряженными мулами. И после двухчасовой поездки мы добрались до прекрасного студенческого кампуса.

По сигналу трубы мы собрались в столовой, где нас ждал великолепный ужин. Там произносили приветственные речи, и я начал чувствовать себя там, как дома.

Осмотр Нашего Багажа

Скоро после ужина трое юношей и я были в кампусе, когда к нам подошел один из профессоров и представился нам. Он был статным и высоким. Через несколько минут беседы он сказал: «Джентльмены, будьте любезны, ключи от багажа и багажника». По этому требованию я тут же отдал ему свои ключи, показав профессору, какие ключи подходят к каждому чемодану. Другие юноши покраснели, и не сильно стремились отдать свои ключи. Один из них сказал, что профессор может послать их багаж к ним в комнату, и они сами позаботятся о нем. На что профессор ответил: «Ваш багаж находится в

зале досмотра, и не выйдет оттуда, пока его не досмотрят. Либо мы его проинспектируем, либо мы пошлем багаж на вокзал с его владельцем». Один юноша сказал: «Мой можете забрать обратно на станцию», и он отказался от своей карьеры. Другие два с большой неохотой вручили свои ключи профессору.

Я сказал: «Профессор, если Вы найдете в моем багажнике что-то такое, чего не одобрит инспекция, Вы можете забрать это и сделать с этим все, что Вам угодно». Ответ был: «Думаю, что у Вас, молодой человек, все будет в порядке». И он ушел. Другие мальчишки сказали: «Ух! Если бы я только знал, что есть такое правило, некоторые вещи я бы с собой не взял. Я бы вытащил некоторые вещи из багажа, когда был еще в Нэшвилле». На следующий день во дворе колледжа я увидел большой костер из фотографий обнаженных женщин, курительных трубок, сигаретной бумаги, блузок с глубоким вырезом и многих других вещей. Все это превратилось в дым и пепел.

Дорогой читатель, думали ли Вы когда-нибудь, что день за днем мы собираем багаж нашего характера, который однажды будет досмотрен Судьей Вселенной, Иисусом Христом? И если у Вас есть что-то, от чего необходимо Вам избавиться, то, что не сможет пройти досмотр, то почему бы от этого не избавиться сейчас? Это станция Нэшвилль. Не ждите, когда у Вас попросят ключи.

Цена Кокосового Ореха

Прошло два или три дня после моего приезда в колледж. Я гулял по территории студенческого городка и чувствовал себя очень грустно и странно среди сотен молодых людей. Я остановился понаблюдать за тем, как коляски выгружают новых студентов и их багаж перед

входом в колледж. Среди них я увидел светловолосого молодого человека, и внутренний голос сказал мне: «Вот цена твоего кокосового ореха». Это был тот же молодой человек, которому я подарил Новый Завет несколько лет назад. Я спросил его, как у него дела. Он сказал, что продал свою старую ферму и отправился в колледж. Теперь у меня появился товарищ в час моего самого глубоко одиночества в жизни. Этого товарища я обрел себе по цене десятицентового кокосового ореха. Вместе мы провели замечательный и полезный год.

Молодой человек оказался способным учеником. Обстоятельства заставили меня оставить колледж, а он остался и закончил свой факультет. Он написал мне, приглашая на церемонию присвоения учёной степени и вручения диплома. Он сильно хотел, чтобы я приехал, но я сказал, что приехать не смогу. Он готовился уехать в Китай, стать там миссионером и хотел провести там всю свою жизнь. Кто может сказать, что сделала «цена кокосового ореха» для душ человеческих в Китае?

В один прекрасный день нам придется дать отчет в том, как мы потратили свои никели (монета в двадцать пять центов), десятицентовики и доллары на самоудовлетворение в то время, как души гибли за Слово Жизни. Лично я предпочитаю получить свой процент от кокосового ореха в вечности временному удовлетворению своих земных appetitov.

Я Нахожу Свое Место в Жизни Колледжа

Я обнаружил, что жизнь колледжа сильно отличается от жизни сельской школы дома. Через два или три дня я начал ощущать себя не в своей тарелке.

Утром в пятницу ко мне в комнату вошел президент колледжа и проинформировал меня, что я буду читать проповедь в воскресенье на вечернем служении. Я попытался отказаться от этого, но мне было сказано, что если кто-то из членов факультета говорили мне что-то сделать, то это нужно было сделать, и что такое выражение, как «я не могу» не используется в колледже. Я объяснил ему, что ни разу в своей жизни не проповедовал такой большой толпе людей, что я привык проповедовать сельчанам, и что я не приехал сюда проповедовать, а научиться проповедовать. Он ответил: «Единственный способ научиться проповедовать – это проповедовать». Он взял меня за руку и сказал: «Благослови тебя Господь, ты нам нужен в воскресенье вечером». Я ответил: «Вы будете горько сожалеть об этом».

Всю оставшуюся пятницу и субботу я провел в молитве о проповеди. Это собрание студентов было избранно из нескольких штатов, и там должны были быть и мои друзья по колледжу. Это была толпа благополучных и образованных студентов. Теперь я должен был проповедовать им, и отказаться от этого я не мог. В субботу ночью я никак не мог уснуть. В воскресенье рано утром я отправился в лес. Там я молился и искал библейский отрывок для проповеди. Я сказал Господу, что готов проповедовать все, что захочет Он. Наконец-то я получил ответ с Небес, я открыл отрывок в Матфея 7:24-27 о добром основании. После напряженных двух дней я мог теперь вздохнуть свободно. Но приближался воскресный вечер, и на меня снова навалилось тяжелое бремя, и к ужину пропал аппетит.

Начал звонить колокол, созывая студентов на капеллу, где я должен был проповедовать. Я выглянул из окна и увидел, как студенты высыпали на улицу со всех

сторон, направляясь к часовне. Я встал на колени и сказал Господу, что, посвятив себя, обещал Ему, что сделаю все, что Он захочет от меня; что я не знал, что мне придется проповедовать такой толпе, но что я был там, и мне было это назначено, и мне необходима Его помощь.

Когда с библией в руке я дошел до вестибюля часовни, все студенты шептались, что молодой Кинг из Индианы был предоставлен чести проповедовать сегодня вечером. Это считалось большой честью, потому что это было первым воскресным вечером школьного учебного года. Отцы, матери и друзья на следующий день должны были разъехаться по домам. Несколько студентов с богословского факультета говорили: «Он, должно быть, хороший проповедник, иначе его бы не попросили проповедовать по такому поводу». Все это вызвало во мне желание, чтобы не мне, а им была предоставлена такая возможность.

Я робко проскользнул вовнутрь и сел в переднем ряду собрания. Хор уже был на месте. На сцене можно было увидеть несколько важных персон. Пришло время для начала служения, и президент колледжа начал искать кого-то глазами: «Где же наш проповедник из Индианы?» Вскоре он увидел меня в первом ряду, спустился вниз и извинился за то, что не пригласил меня сесть на сцене с ним. Он предоставил мне место рядом с собой, представив меня тем, кто сидел в первом ряду на сцене.

Начала играть музыка. Я никогда раньше не слышал пианино. А что касалось корнетов, тромбонов, скрипок, то я слышал их игру только на танцах, и я был почти уверен в том, что это инструменты дьявола. Но такую музыку я никогда еще не слышал, мне и во сне не снилось, что такое пение возможно. Кто-то повел всех в молитве. Я уткнулся лицом в пол и просил у Бога помощи. Были собраны

пожертвования, и прекрасная девушка спела соло, и с тех пор я ни разу не слышал голоса равного ее. После первого куплета все люди встали и замерли. Такое повторилось дважды во время ее пения. Все это время я ощущал себя таким маленьким. Когда пение было закончено, и выкрики стихли, встал президент и представил молодого проповедника из Индианы. Он сделал это по всем правилам ораторского искусства, как случай того требовал.

Я открыл библию, нашел отрывок, который дал мне Господь, положил ее на кафедру и потерял дар речи. Ни одно слово не приходило мне на ум. Я начал ходить по сцене и трепать свои волосы рукой. И президент колледжа сказал: «Кинг, Вы теперь можете проповедовать. Давайте». Я откинул голову назад, выпрямился и начал проповедовать. Я не ощущал себя. Мои ноги больше не чувствовали пола. Мне казалось, что я парю где-то в воздухе. Это была отборная аудитория, у которой были высокие идеалы. И я показал им, что не имеет значения, насколько высоко они парили в своих возвышенных идеалах красноречия или какими были их достижения в образовании или богатстве. Если они не смогут откопать себе камень и положить основание для своего характера, такое основание ничто не должно сдвинуть. Все их старания будут тщетны, если они смогут придти к чему-то ценному. Почти каждый среди этой толпы был способен увидеть. И они увидели истину через сорок пять минут твердой проповеди, и алтарь был заполнен ищущими.

Когда я закончил проповедовать, президент сказал, что проповедь была от Бога, и истина, что все, что мы строим на песке из тленной природы и грешной нераскаявшейся жизни, не устоит и точно распадется рано или поздно. Они вышли к алтарю со всех сторон большой аудитории, и более ста человек помолились в тот вечер. В

тот вечер началось пробуждение, и продолжалось оно две недели. Каждый студент помолился. Помолились и те, кто приехал из городка.

После этого каждый парень стал моим большим братом, и каждая девушка стала моей сестрой. Когда учебный год набрал свой ход, я был избран духовным старостой. Это сделало меня членом преподавательского состава.

Думаю, что впервые я тогда испытал страх перед сценой. Когда я понял, что сам я ничего не смогу, пришел Христос во всей Своей силе и сделал все за меня, и души спустились к своему основанию и стали строить на скале. Вскоре после Рождества, когда заканчивались мои деньги, я проинформировал преподавательский состав, что мне, возможно, понадобится покинуть их. Но они сказали мне, что нуждаются во мне, и если я уйду, то они будут чувствовать это очень сильно.

И таким образом, не отступив, когда пришло время испытания, я нашел свое место в колледже.

Глава Девятая

Призван в Вест-Индию

Вернемся обратно к картинке негра и кокосового ореха, по поводу которой было столько много шуток среди школьников, потому что они считали, что я сказал, что «он» был самым вкусным лакомством в мире, из-за того, что держал палец свой на человеке, а не на кокосовом орехе. Кто знает, но благодаря этому случаю, мои мысли были привлечены к неграм и мулатам, и в конечном итоге, я услышал свой верный голос, который верно все эти годы направлял мои стези. Этот голос снова обратился ко мне и призвал меня к неграм в Вест-Индии, показать им свою любовь и служить им Словом Жизни в глубоких тропиках.

Я Встречаю Негра С Тропиков

Я был рад возможности учиться еще несколько лет в Божьей Библейской Школе. Там у меня была возможность подзаработать на свое обучение в школе, потому что я был бедным и не имел возможности оплатить ее. Это был единственный способ для меня закончить ее. Однажды мы смолили и шлифовали крышу трехэтажного здания. Я носил песок, гравий и горячую смолу. Большой негр из тропиков плавил смолу в большом чане. Он был студентом нашего колледжа. Тогда я еще не знал ни его, ни того, откуда он. Я подошел к краю крыши и попросил смолы. Я посмотрел вниз и со стороны общежития по дорожке увидел негра, который торопился, а его глаза были похоже на два полных месяца. Чан смолы, к которому он спешил, загорелся, и черный дым поднимался вверх. Я видел, что он бежал туда с маленькой кадкой для воды. Зная

результат от попадания воды на пылающую смолу, я спустился по веревке вниз как раз к тому времени, когда он выплеснул кварту воды на горящую смолу. Это привело к тому, что смола взбурлила, вылилась на дорожку и продолжала гореть, но уже и на дорожке. Потом он попытался повторить этот эксперимент, но уже с песком.

Подбежав к чану смолы, я схватил оцинкованный лист, накрыл чан и погасил огонь, и затем я повернулся и впервые познакомился с негром. Я узнал, что он – миссионер, и причиной его маленькой радости стало следующее событие – кто-то дал ему двадцать пять центов, чтобы он положил их в коробку для своего служения. Пока его не было, в чане загорелась смола. Последнее, что я узнал о своем друге, Альфреде Тейлере, это то, что он все еще работал, чтобы собрать достаточно денег для своей коробки и начать то служение, которым каждый занимался на его миссионерской ниве. Через несколько лет я отправился миссионером в его страну, и там мы провели благословенное общение в совместном служении.

Второй негр, с которым я познакомился, был Питер Стоифел из Африки. Он тоже был студентом Божьего Библейского Колледжа. Он обратился из язычества. Он оказался добропорядочным христианином. Он тоже был из страны кокосовых орехов, и рассказывал мне, как они загоняли обезьян на высокие кокосовые пальмы и кидали в них камни. Затем обезьяны срывали кокосовые орехи с высокой пальмы и кидались ими в мальчишек. Он рассказывал мне, как ему приходилось ночевать на высоких деревьях, чтобы львы и леопарды не могли добраться до него, и как он принимал душ в траве, пока трава была мокрой от росы.

Он сказал, что однажды утром большой лев спустился к маленькому ручью в нескольких шагах от того

места, где был он. Он лежал очень тихо, пока лев лизал воду. Затем он взобрался на дерево так быстро, как только мог, и влез в свое одеяло, которое было привязано между ветвями дерева подобно гамаку, где он спал.

Однажды Питер настолько соскучился дому, по своему народу, что убежал из *Библейского Колледжа* и *направился пешком в Нью-Йорк, чтобы там сесть на корабль в Африку*. После того как он прошел большие расстояния, спал в сараях и стогах сена, Питер вернулся к Библейский колледж ждать подходящего времени для своего отъезда. Я спросил Питера, где он ночевал. Он рассказал нам, что одалживал одеяло с веревки для сушки вещей, привязывал его к дереву, спал, как он делал это в Африке, и утром, до того как все просыпались, возвращал одеяло на место. Я помню прощальную речь Питера, и отрывок, который он не мог найти в Библии и попросил меня найти его. Я сказал ему, что такого отрывка в Библии нет, но это был отрывок из учебника по грамматике. Он хотел найти такой отрывок, который бы подошел его опыту в школе, и вот, что он выбрал: «Мельницы богов перемалывают медленно, но тщательно». («Сколько верёвку (верёвочку) ни вить, а концу быть»)

Картинки в старом учебнике по географии с негром и кокосовыми орехами оставили яркое впечатление в моем детском разуме, и теперь мои связи с двумя христианами неграми из тропиков, которые готовились к служению, сделали эти картинки более реальными. Да еще к тому же ведь эти трофеи благодати из тропиков рассказали мне истории о своей собственной стране. В то время я еще не знал, что проведу пятнадцать лет в стране кокосовых орехов в поисках черного жемчуга для царства небесного. В Вест-Индии мы нашли многих из них.

Когда Господь увидел, что я мог справиться со своим огромным аппетитом и желанием к кокосам, Он взял меня и послал меня на середину поля с раскачивающимися кокосовыми пальмами в сорок акров земли. И негритенок лазил по деревьям и кидал нам кокосовые орехи, пока мы не сказали: «Хватит. Этого достаточно».

Если мы будем радоваться в Господе, то Он ответит на желания наших сердец. Цена кокосового ореха может показаться малой, но ни Генри Форд, ни Джон Д. Рокфеллер ни за какие деньги не могут купить той прибыли, которую автору принесли те десять центов.

Читатель, почему бы тебе не вложить цену коробки шоколада или мороженого или еще чего, того, что захочется тебе, в царствие небесное, чтобы это начало приносить прибыль на небесах? Хотел бы ты стать героем в глазах небес? Хочешь ли ты справиться со всеми желаниями к мирским вещам и сеять в Духа Святого?

На этом заканчивается история о кокосовом орехе. Пусть при чтении этой истории сердце ваше получит благословение – об этом моя молитва.